

ЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ В ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

МАРТЫНЮК А. П.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

В статье подводятся итоги основных положений интеграционной теории познания, исходящей из определяющей роли эмоций и тела в когнитивных процессах. Приводятся языковые факты, подтверждающие положения этой теории. Очерчиваются перспективы исследования роли эмоций в процессе концептуализации, т. е. наполнения языковой формы значением в дискурсивном взаимодействии, а также в лингвальной регуляции социального поведения.

Ключевые слова: эмоция, концептуализация, лингвальная регуляция социального поведения.

У статті підсумовуються основні положення інтеграційної теорії пізнання, що виходить із першочергової ролі емоцій і тіла в когнітивних процесах. Наводяться мовні факти, які підтверджують цю теорію. Окреслюються перспективи дослідження у дискурсивній взаємодії, а також у лінгвальній регуляції соціальної поведінки.

Ключові слова: емоція, концептуалізація, лінгвальна регуляція соціальної поведінки.

The article sums up the main ideas of the integrational theory of cognition which proceeds from the primary role of emotions and body in cognitive processes. The article gives language facts supporting this theory. It also establishes a perspective field of studying the role of emotions in conceptualisation, that is endowing a language construction with meaning in discursive interaction, and in lingual regulation of social behaviour.

Key words: emotion, conceptualization, lingual regulation of social behaviour.

В последние десятилетия мощное интеграционное развитие когнитивных исследований в корне меняет сложившиеся представления о роли тела и эмоций в конструировании языковых значений. Представители философии (У. Эко [13]), биологии (У. Матурана [4]), нейрологии (А. Дамазио [9–11]), антропологии (К. Харди [15]), семиотики (П. Виоли [22], М. Дайнези, З. Перрон [12]), психолингвистики (А. А. Залевская [1–2]), когнитивной семантики (М. Джонсон [17], Дж. Лакофф [19], М. Тёрнер [21], Ж. Фоконье [14]), корпоральной семантики (Х. Рутроф [20]), биосемиотики (Р. Харрис [16], А. В. Кравченко [3]) приходят к выводу, что языковые формы сами по себе ничего не значат: “означаемые естественного языка требуют тела и эмоций для того, чтобы стать семантически функциональными” [2, с. 102].

Роль эмоций в процессе познания экспериментально обоснована в работах нейролога А. Дамазио [9–11], занимающегося проблемами нейрологии аффекта и социального поведения как продукта взаимодействия сознания, мозга, тела и их физического и социального окружения (см. анализ работ А. Дамазио А. А. Залевской [1–2]). В наиболее общем виде концепция А. Дамазио сводится к таким положениям:

1) процесс познания представляет собой биологическое явление: всякий живой организм есть когнитивная система, т. е. система, организация которой определяет область значимых взаимодействий с внешней средой для благополучного выживания (survival with well-being); процесс познания и есть таким актуальным взаимодействием, а жизнь является процессом познания;

2) в сложных организмах, таких как человеческий, тело, мозг и разум (mind) представляют собой манифестацию одного и того же интегрированного организма; тело и мозг взаимодействуют посредством химических и нейронных связей: тело, репрезентированное в мозге, создает необходимый контур отсылок (frame of reference) для метальных процессов, переживаемых как события разума; разум эволюционирует благодаря взаимодействию тела и мозга в ходе эволюции, в течение индивидуального развития и в текущий момент;

3) активность мозга направлена на содействие регуляции жизненных процессов организма, как посредством координирования внутренних операций самого тела, так и путем координирования взаимодействия между целостным организмом и его физическим и социальным окружением;

4) регуляторные операции организма обеспечиваются способностью организма различать объекты и события, как внешние, так и внутренние; эта способность зависит от создания ментальных образов (идей и мыслей) и манипулирования ими в процессах, которые и называются разумом;

5) ментальные образы представляют собой динамические нейронные паттерны, устойчиво соотносимые с наборами состояний нейронной активности на определенных участках мозга, картирующими различные состояния активности тела, возникающие в результате актуального взаимодействия организма с окружением;

6) процесс картирования – не пассивный процесс; интерпретация процесса картирования А. Дамазио близка к идее распределенности когниции [8], в соответствии с которой нейронные сети мозга способны к “обучению”, т.е. постоянному обновлению нейронных паттернов под воздействием как внешних сигналов, так и взаимодействия между структурами мозга;

7) мозг продуцирует два вида образов тела (body images):

а) образы плоти, возникающие, благодаря нейронным паттернам, картирующим структуру и состояние сердца, пищеварительных органов, мускулов (например, боль или отвращение / тошнота);

б) образы специфических сенсорных проб (зрительные, слуховые, тактильные, обонятельные и вкусовые), являющиеся результатом картирования физического воздействия объектов внешнего мира на определенные части тела (ретицу глаза, барабанную перепонку уха); “когда мы что-то видим, мы не просто видим: *мы чувствуем, что видим что-то собственными глазами*. В соответствующем месте нашего мозга перерабатываются сигналы о том, что происходит с нашим организмом” [9, p. 232].

8) нейронный механизм создания ментальных образов есть врожденно встроенный механизм *первичных эмоций*, увязывающих ситуации взаимодействия организма с окружением с адаптивными соматическими ответами, обеспечивающими выживание; внутренняя система предпочтений врожденно нацелена на избегание боли и поиск потенциальных удовольствий;

9) в то же время, большинство соматических ответов формируется в процессе социализации через соматические состояния, связанные с поощрением и наказанием, так называемые *соматические маркеры* как особые проявления чувствования (special instances of feeling), порождаемые *вторичными эмоциями*; такие эмоции и чувствования через “обучение” увязываются с предсказуемыми сценариями ситуаций взаимодействия;

10) в ходе социализации, в процессе категоризации повторяющихся сценариев взаимодействия между внутренней системой предпочтений и набором внешних обстоятельств, уменьшается необходимость опоры на соматические состояния в каждом отдельном случае; когнитивные процессы, в том числе рассуждение и принятие решений, становятся частично зависимыми от *символов соматических состояний*, т.е. *знаков*, прежде всего, – языковых;

11) базовые когнитивные операции организма не используют язык, они основываются на сенсорно-моторных образах с учетом пространства и времени, представляя собой так называемое *ядерное сознание* (core consciousness);

12) язык есть формой существования *расширенного сознания* (extended consciousness); но самые сложные формы расширенного сознания функционируют на основе ядерного сознания; *ядерное сознание является фундаментальным видом сознания, тесно связанным с эмоциями*;

13) сознание и разум не тождественны; сознание – это процесс, в то время как разум определяется по отношению к тому, что называют личностью (self) и что выступает как знание человека о своем собственном существовании и о существовании окружающих его объектов; синонимичны термины “сознание” (consciousness) и “сознающий разум” (conscious mind);

14) значение языкового знака представляет собой выводное знание, обеспечиваемое соответствующими нейронными паттернами, активирующими в памяти ментальные образы объектов и событий; в этом смысле *любые мыслительные процессы, осуществляемые с опорой на языковую форму, функционируют на основе перцепции и эмоций*.

Цель предлагаемой статьи состоит в интерпретации имеющегося англоязычного эмпирического материала в поисках языковых фактов, подтверждающих роль тела и эмоций в процессах когниции, а также в очерчивании новых возможностей научного поиска, в частности, исследования роли эмоций в лингвальной регуляции социального поведения.

В своей когнитивной функции языковой знак, обеспечивающий качественный сдвиг структур сознания, перевод сознания на высший уровень обобщающе-абстрагирующего мышления [5, с. 164], позволяет абстрагироваться от переживания эмоции, связанной с тем или иным ментальным образом, осмыслить, назвать и описать эмоцию.

Английский язык, как и любой другой язык мира, располагает богатейшим арсеналом лексических и фразеологических номинаций эмоций. В прагматически-семасиологическом аспекте такие номинации подразделяются на *прямые обозначения, дескрипции и экспликации* [7, с. 43].

Прямые обозначения базовых эмоций, таких, например, как гнев, обычно включают не только синонимический ряд стилистически нейтральных субстантивных лексем (*fear, fright, horror, terror, dread, dismay, apprehension, awe, scare, alarm, consternation, trepidation*) и глагольных словосочетаний (*to be afraid / frightened / scared, to feel fear*), но и стилистически маркированные лексемы: от научных терминов (*achluophobia – fear of darkness, coulrophobia – fear of clowns, koniophobia – fear of dust, pyrophobia – fear of fire, zelophobia – fear of jealousy*) до сленгизмов (*funk, cliff-hanging, feart*).

Особенно интересны *дескрипции эмоций*, т.к. они являются прямой иллюстрацией образов тела, т.е. соматических состояний человеческого организма, фиксируемых ансамблем сенсорных детекторов, распределенных по всему телу, и сигнализирующих мозгу о состоянии сердца, пищеварительных органов, сенсорно-моторного аппарата и т.д.

В частности, внутренние состояния человека, переживающего эмоцию страха, описываются как ощущения, спровоцированные дисфункцией систем жизнеобеспечения организма, как, например, учащение сердцебиения (*I felt my heart race with a mix of fear and anticipation / His heartbeat was rapid with fear*), нарушение нормального ритма пульса (*his pulse quickening*), ощущение холода во всем теле или в определенном органе, озноб, “мурашки” (*She listened to all this with growing horror. She could feel her hands and feet growing cold / her words gave me chill bumps over my whole body, even across the skin of my face*), нервная напряженность (*His nerves tingling with fear*).

Наблюдаемые проявления базовой эмоции страха описываются как дисфункция: 1) сенсорно-моторного аппарата, выражающаяся в неконтролируемом расслаблении или напряжении всего тела (*her body was numb with fear / body rigid with terror*), конечностей (*her knees go weak with fear*); дрожании (*she was so frightened she was shaking*); произвольном движении челюстей или, наоборот, сцеплении (*my teeth began to chatter / she felt no pain, only a fear that ground her teeth together*); расширении глаз (*his eyes bulged wide with a strange kind of confused horror / she could feel her eyes widening with horror*); 2) системы кровообращения, проявляющаяся в изменении цвета лица (*his face bloodless with dread*); 3) дыхательной системы (*to be panting with fear / to gasp in dismay / to be breathless with fear*); 4) желез внутренней секреции,

выражающаяся, например, в потовыделении (*Jungle terrified him. He was sweating profusely / He was afraid. His palms were wet inside his black gloves*); 5) речевого аппарата (*to be speechless with terror / to gibber with panic / to stammer in awe / to whine with terror / to squeak in panic*).

Экспликации эмоций репрезентируются многочисленными синтаксическими конструкциями (как предикативными, так и непредикативными), включающими прямые названия эмоций. Эти конструкции содержат *конвенциональные метафоры*, которые, с одной стороны, сами служат подтверждением телесности мышления, а с другой, – дают нам представление о том, какие телесные образы лежат в основе концептуализации самих эмоций.

Эмпирический материал, представленный многими языками мира позволяет говорить о том, что эмоции концептуализируются в терминах СИЛЫ, довлеющей над человеком (EMOTION is A FORCE) [18]. При этом СИЛА специфицируется как ЧЕЛОВЕК (ОППОНЕНТ) (*Dark fear had seized her*) / ДИКОЕ ЖИВОТНОЕ (*The boy studied it and gave a hiss of rage*) / ЕСТЕСТВЕННАЯ СИЛА НАВОДНЕНИЯ (*surge of panic flooding through me*) / УРАГАНА (*a swirling tempest of fear*) / ПСИХИЧЕСКАЯ СИЛА СУМАСШЕСТВИЯ (*It was the kind of fear that could drive you mad*). В большинстве культурных сценариев базовых эмоций ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА, испытывающего эмоцию, представляется в терминах КОНТЕЙНЕРА, а собственно эмоция – в терминах ЖИДКОСТИ, ЗАПОЛНЯЮЩЕЙ КОНТЕЙНЕР И НАХОДЯЩЕЙСЯ ПОД ДАВЛЕНИЕМ (*He was full of panic / the fury simmering in his voice and knew it was about to boil over*). К приведенным примерам можно добавить множество других, специфицирующих концептуальные корреляты метафор эмоций.

Не менее интересны и *образные метафоры и метафорические сравнения*, репрезентирующие *яркие гештальтные образы эмоций*, возникающие в воображении человека. Гештальты могут иметь предметную основу. Так, например, СТРАХ может представляться СЛОНОМ и МЫШЬЮ: *He felt his fear twisting and turning inside him beneath his poker face. Sometimes it was big and panicky, trampling everything: the elephant. Sometimes it was small and gnawing, ripping with sharp teeth: the rat* [27, p. 45]; ПТИЦЕЙ: *She looked at him without saying anything, and a dread suddenly roosted in his heart like an evil bird coming back to an old nest* [27, p. 32]; ТУЧЕЙ: *But fear had settled onto Tom's face like a gray cloud* [27, p. 633].

Довольно широко представлены и более сложные экспликации, базирующиеся на гештальтах событий: *The cold finger of his dread touched him again* [27, p. 154]; *Her dread clapped its cold hands around her heart* [27, p. 527]; *And now dread closed its hands into cold fists, her heart beating between them* [27, p. 527].

Подобный языковой материал репрезентирует, своего рода, “фантазийные варианты” [1, с. 247] перцептивных дескрипций и тем самым иллюстрирует продукты воображения, возникающие из телесного опыта, свидетельствуя о центральной роли воображения в процессе познания в целом и языкового семиозиса, в частности. “Язык является пустой синтаксической сеткой и ничего не значит сам по себе, он паразитирует на невербальных знаках, которые представляют собой тактильные, обонятельные, вкусовые, слуховые, зрительные и другие перцептивные прочтения мира и их фантазийные варианты; они относятся друг к другу как близнецы, являются интерсемиотическими и гетеросемиотическими и объясняют то, что на уровне означаемых мы все являемся иконическими существами (иконичность остается “живой”, она интериоризируется). В противовес формальным системам типа формальной логики означаемые естественного языка требуют тела для того, чтобы стать семантически функциональными” [там же, с. 247–248].

В своей коммуникативной функции языковой знак, расширяя границы (co)знания и делая индивидуальное сознание общественным достоянием [5, с. 164], позволяет выразить эмоцию и тем самым сделать переживание эмоционального состояния доступным для другого.

Выражение эмоций, в частности страха, реализуется высказываниями-междометиями, высказываниями-отрицаниями, высказываниями-ругательствами, а также высказываниями-обращениями к Богу с призывом о помощи.

Высказывания-ругательства, а также вкрапления ругательств в высказывания, реализующие иные коммуникативные интенции, представляют собой вербализации неконтролируемого выплеска негативной эмоции в момент ее чувствования: *“It’s the wrong code!” Everyone stood in silent horror. On the screen before them was the error message: ILLEGAL ENTRY. NUMERIC FIELD ONLY. “Damn it!” Jabba screamed. “Numeric only! We’re looking for a goddamn number! We’re fucked! This ring is shit!”* [23, p. 211].

Междометия, также являясь неконтролируемым вербальным выплеском эмоции, как правило, сопровождают высказывания-обращения к Богу с мольбой о помощи: *“Oh... Jesus!” Sheila was almost choked with terror. “The baby’s crying! Make it stop crying! Please!” She put her hands over her ears, and her body began to curl into a fetal shape. “Oh, God, please make it stop!”* [28, p. 476].

Наконец, отрицание воплощает нежелание человека, переживающего эмоцию страха, принять ситуацию, провоцирующую эту эмоцию: *The commander let go of Susan and turned toward the \$2 billion computer. His eyes went wide with dread. “No!” He grabbed his head. “No!”* [23, p. 190].

При всей важности и продуктивности исследования номинации, дескрипции, экспликации и экспрессии эмоций гораздо больший вызов для лингвиста представляет поиск “следов эмоции” непосредственно в процессе концептуализации, т. е. выведения интерпретатором значения языковой формы в ситуации дискурсивного взаимодействия, где эмоция не схвачена языковым знаком, но присутствует имплицитно. Именно в такой ипостаси эмоция выполняет свою регулятивную функцию, направляя мыслительные процессы, лежащие в основе принятия решений.

Интерпретатор наполняет языковую конструкцию значением на основе инференций, т. е. выводного знания, основанием для которого служит как конвенциональное значение языковой формы (prompt), так и все виды контекстuality (лингвальный / просодический / ситуативный / психологический контексты), влияющие на концептуализацию, лишь став частью знания, прибавляющегося к энциклопедической информации, ассоциируемой с сущностью, на которую указывает форма.

Полагаю, что в процессе концептуализации интерпретатор выводит инференции двух видов: классификационно-кваликативные (категоризация и оценивание) и поведенческие (сценарии поведенческих реакций на результат категоризации и оценивания). Причем инференции выводятся как относительно сущности, обозначенной языковой формой (референта), так и участников коммуникативной ситуации, прежде всего – говорящего, продуцирующего языковую форму. Очевидно, процесс выведения инференций может происходить как осознанно, так и неосознанно, автоматически.

Представляется, что эмоция выполняет регуляторную функцию, влияя на инференционные процессы. При этом языковые сущности, возбуждающие эмоцию, находятся на противоположных концах языкового континуума: **эмоциогенным** может быть как образ, воплощенный метафорической языковой формой, так и “голая” структура.

В когнитивной структуре значения метафорического языкового выражения образ функционирует как “внутренняя форма” вторичного наименования, отдающая часть информации о типовом представлении о сущности, обозначенной уже существующим именем, в типовое представление об иной сущности, обозначенной этим же именем в дискурсивной ситуации. При этом внутренняя форма сохраняет некоторые черты образной гештальт-структуры [6, с. 127, 190–191].

Типовое представление онтологизируется через прототип как знание о конститутивных признаках сущности, тогда как гештальт – “на основе восприятия, сопряженного с органами чувств – зрительным, вкусовым, перцептивным и т.д. впечатлением, в том числе – не непосредственным, а либо на основе “памяти тела” <...>, либо памяти образной” [там же, с. 189].

В структуре значения образного языкового выражения типовое представление соотносится с денотатом и принадлежит сознанию, тогда как гештальт-структура соотносится с квазиденотатом и принадлежит воображению [там же, с. 191]. Если денотат категоризирует сущность, то квазиденотат квалифицирует сущность, уподобляя ее иной сущности.

В процессе концептуализации роль образной гештальт-структуры проявляется косвенно, через ее эмоциогенность: яркий *гештальтный образ*, как правило, вызывает эмоционально-оценочную реакцию интерпретатора. В момент восприятия эта эмоциональная реакция переживается как чувство-состояние, а впоследствии она может оформиться в стойкое (“продуманное”) чувство-отношение как к референту, так и говорящему – (одобрение / неодобрение (презрение, пренебрежение, осуждение и т.д.) [там же, с. 205–208], и в этом качестве повлиять на социальное поведение интерпретатора.

Примером служат высказывания, реализующие конфронтационную стратегию политического оскорбления, имеющую долгую историю в англоязычном политическом дискурсе: [Paul Keating (born 1944), Prime Minister of Australia (1991–1996), on his opponent] *All tip and no iceberg* [32]; [“The Times”, British newspaper, on Anthony Charles Lynton Blair (born 1953), Prime Minister of the United Kingdom (1997–2007)] *The grinning, malign Mary Poppins of the supernanny state* [33]; [Gore Vidal (born 1925), American writer and journalist, on Ronald Reagan (1911–2004), President of the United States (1981–1989)]... *a triumph of the embalmers art* [25].

Непосредственной реакцией на яркие метафорические образы-подобия политиков есть смех, а чувство-отношение к референту и говорящему формируется на основе инференционного знания, в частности, учета совпадения / несовпадения эталонных свойств ПОЛИТИКА и признаков, “высвечиваемых” метафорой. В зависимости от природы образа, а также всех иных аспектов дискурсивной ситуации чувство-отношение к референту воплощается в разновидностях неодобрения. Чувство-отношение к политику-автору высказывания можно охарактеризовать как одобрение на основании того обстоятельства, что в англоязычной культуре чувство юмора считается необходимым свойством успешного политика (ср.: [Ben Macintyre (born in 1963), British columnist, on Anthony Charles Lynton Blair (born 1953), Prime Minister of the United Kingdom (1997–2007), when he left office] *In ten years Tony Blair has not delivered a single one-line public insult worth remembering* [33]; [Jason Adams (born in 1963), American journalist, on Barack Obama (born in 1961), President of the United States (assumed office in 2009)] *It has long been an American tradition in the country’s public life, but what will happen to the political insult in the administration of a president who has promised to bring citizens together? The question came to mind after a Wednesday appearance when President Obama placed a restraining hand on Vice-president Biden after Mr. Biden made a joke about Chief Justice John Roberts. Some wondered whether the new president will be hoping his officials put the art of the insult on hold during his term of office* [30].

Эмоциогенным может быть и *структурный паттерн* – фонетический (аллитерация / ассонанс): *Maybe she’s born with it. Maybe it’s Maybelline* [24]; *Ginger belles. Ginger belles. Ginger all the way! Be gingerous this season with Origins best kept secret... Ginger bath, body and skin scents collection. Visit your local Origins counter today and let us take the stress out of Christmas gift giving with an array of gifts for everyone on your list. ORIGIN The genius of nature* [26] или синтаксический (амплификация, основанная на повторе однотипных конструкций): *It’s not your car. It’s not your friends. It’s not your job. It’s your watch that says most about who you are. SEIKO* [29].

Именно эмоциогенность таких паттернов является причиной столь частого их использования в дискурсах, где стратегическая коммуникативная цель говорящего состоит в регулировании социального поведения (например, навязывание товара покупателю в рекламе или навязывание политика избирателю в политическом дискурсе). Не менее часто эти паттерны используются и в художественном дискурсе для интенсификации передаваемой эмоции: *“I’m afraid to go back there!” He looked at his sore palms and then buried his face within them. “Oh, God! Help me! Help me! Help me!”* (Anson, p. 175); *But just before the clown washed out completely, he saw the most terrible thing of all: his ma’s face. No! he tried to scream. No! No! Not her! Not my ma!* [27, p. 495].

“Структурная эмоциогенность” связана с суггестией, сама по себе она не имеет смысловой привязки и действует на уровне подсознания интерпретатора. Если образ *убеждает, доказывая* (не следует голосовать за политика, несоответствующего эталону), то структурные паттерны способствуют достижению *эффекта эмоционального заражения*, т. е. *введению интерпретатора в особое психическое состояние, возбуждению эмоции, на фоне которой происходит убеждение*.

Эмпирическим подтверждением такому предположению служит тот факт, что большинство коммуникативно успешных политических оскорблений, вошедших в историю англоязычного искусства политического оскорбления (art of political insult), сочетают эмоциогенные образы и эмоциогенные структуры: [H. L. Mencken (1880–1956), American journalist and critic, on Warren G. Harding (1865–1923), American president]: *He writes the worst English that I have ever encountered. It reminds me of a string of wet sponges; it reminds me of tattered washing on the line; it reminds me of stale bean soup, of college yells, of dogs barking idiotically through endless nights. It is so bad that a sort of grandeur creeps into it. It drags itself out of the dark abyss of pish and crawls insanely up the topmost pinnacle of posh. It is rumble and bumble. It is flap and doodle. It is balder and dash* [31].

Таким образом, имеющийся в распоряжении лингвистов теоретический и эмпирический материал открывает новые возможности для исследования эмоций как основы когнитивных процессов, стоящих за спонтанным языковым семиозисом. В частности, требует дальнейшей разработки проблема роли эмоций в языковой регуляции социального поведения. Именно с этим направлением связана перспектива разработки концепции языкового знака как средства межличностного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : [избранные труды] / Александра Александровна Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
2. Залевская А. А. Проблема “тело – разум” в трактовке А. Дамазио / А. А. Залевская // *Studia Linguistica Cognitiva*. – М. : Гнозис, 2006. – Вып. 1. Язык и познание : Методологические проблемы и перспективы. – С. 82–105.
3. Кравченко А. В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе / А. В. Кравченко // *Горизонты современной лингвистики : Традиции и новаторство* : [сб. в честь Е. С. Кубряковой]. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 51–65.
4. Матурана У. Биология познания / У. Матурана // *Язык и интеллект* ; [пер. с англ.]. – М. : Прогресс: Универс, 1996. – С. 95–142.
5. Никитин М. В. О соотношении знака и значения / М. В. Никитин // *Горизонты современной лингвистики : Традиции и новаторство* : [сб. в честь Е. С. Кубряковой]. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 161–169.
6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурный аспекты / Вероника Николаевна Телия. – М. : Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 288 с.
7. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций : [монография] / Виктор Иванович Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.

8. Clark A. The extended mind / A. Clark, D. Chalmers // *Analysis*. – 1998. – V. 58. – No. 1. – P. 7–19.
9. Damasio A. *Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain* / Antonio Damasio. – N. Y. : Avon Books, 1994. – 313 p.
10. Damasio A. *The feeling of what happens: Body and emotion in the making of consciousness* / Antonio Damasio. – N. Y. : Harcourt Brace & Co, 1999. – 386 p.
11. Damasio A. *Looking for Spinoza: Joy, Sorrow and the Feeling Brain* / Antonio Damasio. – Orlando ; Austin ; N. Y. : Harcourt, Inc., 2003. – 368 p.
12. Danesi M. *Analysing cultures: An introduction and handbook* / M. Danesi, P. Perron. – Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press, 1999. – 413 p.
13. Eco U. *Semiotics and the philosophy of language* / Umberto Eco. – Bloomington : Indiana University Press, 1984. – 242 p.
14. Fauconnier G. *Mappings in thought and language* / Gilles Fauconnier. – Cambridge (U.K.) : CUP, 1997. – 205 p.
15. Hardy C. *Networks of meaning: A bridge between mind and matter* / Christine Hardy. – Westport ; Connecticut ; London : Praeger, 1998. – 217 p.
16. Harris R. *From the integrational point of view* / R. Harris // *Linguistics inside out: Roy Harris and his critics* / [ed. G. Wolfe, N. Love]. – Amsterdam : Benjamins, 1997. – P. 229–310.
17. Johnson M. *The body in the mind (the bodily basis of meaning, imagination, and reason)* / Mark Johnson. – Chicago, L. : The University of Chicago Press, 1987. – 233 p.
18. Kövecses Z. *Metaphor and emotion. Language, culture, and body in human feeling* / Zoltán Kövecses. – Cambridge : CUP, 2000. – 223 p.
19. Lakoff G. *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought* / G. Lakoff, M. Johnson. – N. Y. : Basic Books, 1999. – 602 p.
20. Ruthrof H. *The body in language* / Horst Ruthrof. – L. ; N.Y. : Cassell, 2000. – 193 p.
21. Turner M. *The literary mind: The origin of thought and language* / Mark Turner. – N. Y. ; Oxford : OUP, 1998. – 187 p.
22. Violi P. *Meaning and experience* / Patrizia Violi. – Bloomington : Indiana University Press, 2001. – 291 p.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

23. Brown D. *Digital Fortress* / Dan Brown. – L. : St. Martin's Press, 2004. – 217 p.
24. C – *Cosmopolitan*, British Edition – February 2003.
25. CZ – *Comedy Zone* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.comedy-zone.net/jokes/laugh/insults/insult7.htm>.
26. GH – *Good Housekeeping* – September 2005.
27. King S. *It Viking* / Stephen King. – N. Y., L. : Ballantine Books, 1986. – 712 p.
28. McCammon R. *Swan Song* / Robert McCammon. – N. Y. : Gallery Books, 2009. – 864 p.
29. MH = *Men's Health* – January 2004.
30. NN – *News Now* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.wusa9.com/rss/local_article.aspx?storyid=80820.
31. PI – *Political Insults* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.insults.net/html/historical/political_insults.html.
32. TP – *The Public "I"* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://thepublici.blogspot.com/2009/11/art-of-political-insult-to-wit.html>.
33. Ts – *The Times* – May 11, 2007.

Дата надходження до редакції
18.10.2012